

Генеральная пауза

Генеральная пауза – это одновременная длительная пауза всего оркестра. Продолжительность G.P. – не менее такта. Особенно характерны для произведений внезапные G.P., резко останавливающие течение музыки и имеющие драматургически очень важное конфликтное значение.

Так, например, в первой части Восьмой «Неоконченной» симфонии Франца Шуберта певучая тема вдруг неожиданно прерывается и, после одного такта напряженного молчания всего оркестра, раздаются грозные аккорды. словно после перехваченного дыхания, после своеобразного шока пришло осознание случившейся трагедии.

Владимир Янке. Книга «Дыханье музыки»

Часть первая. Утро

Она выпрямила поджатые к самому подбородку ноги и перевернулась на спину, укладываясь поудобнее. Сырость и холод навалились одновременно. Она вздрогнула и рывком села, вытаращив глаза. На мокрой траве газона тускло-красными и блёкло-жёлтыми ляпами смутно выделялись кленовые пятерни. Одна нога соскользнула с бетонного бортика на тротуар, вторая упиралась голый пяткой в холодную землю. Небо в просвете между двумя домами только начинало светлеть, и разглядеть, где это она оказалась, было довольно сложно.

Девушка поднялась на ноги и медленно поворачивалась на месте, недоумённо и испуганно озираясь по сторонам. Холодный асфальт заставил её по очереди поджимать то одну, то вторую ногу. «Почему так холодно?» Она обхватила себя руками и стала похожа на нелепую птицу, топчущуюся в узком дворовом проезде, который тянулся вдоль унылого двенадцатизэтажного дома, исчезая в утреннем тумане.

Сбитая с толку, растерянная и продрогшая в растянутой хлопчатобумажной толстовке, она повернулась спиной к расширявшейся полоске рассвета и сделала осторожный шаг. Потом ещё один. В босые ступни немедленно впились мелкие камешки. Огромный корабль дома плыл в полном безветрии и невозможной тишине, и на его гигантском боку не светилось ни единого окна. Девушку затрясло от холода и ужаса. Ни этот дом, ни двор, самый обычный с виду, не были ей знакомы.

«Где я? Что со мной? Я...» – она не могла понять, что происходит. «Я» – такое простое и незыблемое – повисло в пустоте. Никаких следов того, что обычно окружает это определение – даже имени своего она вспомнить не могла! Дом был домом, незнакомым, но имеющим чёткое понимание, что он такое есть. То же и с двором, небом, кустами... Но стоило ей подумать о себе, и навалилась паника.

Она сорвалась на бег. Бесцельный, безоглядный. Глаза широко распахнулись, дыхание с хрипом вырывалось из открытого рта и было единственным звуком, который нарушал тишину. Мысли судорожно и бестолково металась в голове, сталкиваясь и рассыпаясь: «Что это? Почему? Мне надо домой... Куда – домой?» Запредельный ужас, охвативший её всю, целиком, гнал и гнал вперёд.

Возле угла дома она остановилась. От сумасшедшего бега заложило уши, закололо в боку. Девушка согнулась, упираясь в колено одной рукой. Другая вцепилась в пояс джинсов, туда, где острым ножом тыкалось в живот колотьё.

– Мама! – коротко и отчаянно прохрипела она пересохшим горлом.

Сиплый вскрик завяз в неподвижном воздухе, как ложка в стакане крутого киселя. Произнесённое вслух, слово не нашло никакого отклика ни в пустом дворе, ни в её голове.

От этого стало ещё страшнее. Мысли неслись по кругу, усиливая панику: «Что происходит? Где я?» Кровь прилила к лицу, на виске задёргалась тонкая вена. В памяти не было ни одного знакомого лица, ничего, что помогло бы понять происходящее.

За хрипами в груди и оглушительным стуком сердца ей послышался какой-то новый звук, оборвавший сумятицу мыслей. Шорох? Шуршание? Шипение, которое издаёт кран, когда вместо воды из него вырывается воздух? От этого непонятного звука кожа девушки немедленно покрылась мурашками. Она принялась затравленно озираться, но вокруг не было видно никакого движения. Звук доносился отовсюду и ниоткуда, не приближаясь и не отдаляясь, пугающий, неопределённый и... живой. «Рхш-ш...»

Тень в кустах под окнами дома словно сгустилась, почернела. Девушка всматривалась в неё до рези в глазах и внезапно, повинуясь безотчётному порыву, начала пятиться. Сначала медленно, потом всё быстрее, запинаясь и всхлипывая от ужаса. В панике она снова бросилась бежать, сбивая ноги, потерявшие чувствительность от холода. Страшный звук исчез. Остался где-то позади, затерявшись в тяжёлой тишине неподвижного воздуха.

Между двумя домами туманным провалом зиял проход к улице. Девушка завернула за угол, скособочившись и держась за живот. Улица тоже оказалась абсолютно пуста. Ни одной машины, ни одного человека. Вдалеке жёлто и ритмично вспыхивал и гас глазок светофора. Фонари, вывески, рекламные щиты – не горели. Окна домов по обе стороны дороги леденели чернильной тьмой. Всё вокруг словно покрылось серым налётом – дома, дорога, полуголые скелеты деревьев. Девушка замерла на месте, не понимая, куда бежать и что делать дальше. Происходящее было похоже на кошмарный сон, и она желала только одного – проснуться. Сейчас. Немедленно. Пальцы ног поджимались, и разглядывание собственных босых ступней на грязном холодном асфальте делало ситуацию ещё безумнее.

Понемногу светлело, но улица по-прежнему оставалась погружённой в тишину и неподвижность. Серый налёт не исчез вместе с тающими сумерками, напротив, стала отчётливей видна блёклость красок.

«Сколько времени?» – проскочила у неё нелепая мысль, и рука сама поднялась запястьем вверх. Его обнимал браслет с чудесными часами: в позолоченный металл были вправлены натуральные камни цвета карамели, с искорками в глубине. Она понятия не имела, откуда они взялись, эти дорогие часы. Золотая секундная стрелка не двигалась, часовая замерла на римской цифре шесть, а минутная – на тройке.

Ухоженные ногти блеснули благородным бежевым лаком. Она невольно задержала взгляд на своей руке. Пошевелила пальцами. Задышала часто-часто, к горлу подступила едкая горечь: руку, несомненно, свою собственную, она словно видела впервые.

– Эй, кто-нибудь? – жалобно позвала она, озираясь.

Эхо – негромкое, приглушённое – пробежалось до пустой автобусной остановки и застряло в дырчатом металле ненадёжных стенок под пластиковым навесом.

Холод вызвал очередную волну дрожи. Девушка почти ощутила, что ноги примерзают к асфальту. Поминутно оглядываясь и всхлипывая от страха, она побрела вдоль дороги. Вокруг громоздился чужой холодный город под низким небом, притихший и серый. Казалось, весь мир расплылся, как потемневшая от времени фотография, и потерял чёткие очертания.

Откуда он мог вывернуть, девушка не имела понятия. Секунду назад улица была совершенно пуста, а теперь всего в паре десятков метров впереди ей навстречу шёл человек. Шёл медленно, неожиданно замирая на пару секунд и снова начиная двигаться. Она рванулась к нему, забыв про холод и страх, из груди вырвалось короткое рыдание – облегчение как будто ослабило туго затянутую внутри пружину.

– Помогите!

Отчаянный вскрик не оказал на незнакомца никакого эффекта. Он продолжал двигаться неровными рывками.

– Помо...

Голос сорвался на полуслове. Пожилой мужчина был совершенно гол. Дряблая кожа груди и большого живота отдавала нездоровой желтизной, руки неподвижно висели по бокам, лицо – сильно небритое, унылое – застыло равнодушной маской, а глаза, утонувшие под нависшими бровями, невидяще смотрели куда-то выше головы девушки. Она встала как вкопанная, невольно приоткрыв рот, а мужчина, механически передвигая ноги, подошёл уже совсем близко.

Бросив растерянный взгляд по сторонам, она убедилась, что, кроме них двоих, на улице никого больше нет.

– Простите, – слова давались ей с трудом, – мне нужна помощь.

Старик прошаркал мимо, не обращая на неё никакого внимания, всё с тем же отрешённым видом.

Потрясённая, она машинально шагнула следом.

– Четвертинку серого, – пробормотал он вдруг и быстро-быстро затряс головой.

«Да что же это такое? – поднялась у девушки в душе гневная волна. – Чокнутый дядька? Ладно! Но где все остальные? Где люди?» Понимая, что помощи от старика не добиться, она всё-таки пошла за ним, боясь снова остаться в одиночестве. Но спутник прошагал молча всего несколько шагов и внезапно остановился.

– Туда! Мне – туда! – громко прокаркал он ломким голосом и взмахнул сразу двумя руками, указывая в конец улицы. Потом хрипло рассмеялся, не меняя выражения лица, и добавил затухающей скороговоркой: – Все там будем. И четвертинку серого.

Девушка отпрянула, попятилась и ещё долго стояла, глядя вслед нелепой фигуре, удалявшейся под сухое шарканье босых ног. Когда старик почти скрылся из виду, она повернулась и побрела в противоположную сторону.

На другой стороне улицы, выбиваясь из одинаковой серости домов, торчала самая обыкновенная коробка супермаркета. «Двадцать четыре» – большие цифры на уродливом фасаде не горели, но оставались ясно различимыми. Девушка перебежала дорогу, машинально поворачивая голову вправо-влево, но машин не было, и замерла в испуге: раздвижная стеклянная дверь магазина оказалась наполовину открыта, за ней – всё та же тьма. В глубине что-то негромко брякнуло.

– Есть тут кто-нибудь? – прошептала девушка в полумрак зала.

Тишина. Нет охранника на входе. Нет кассиров. Длинные ряды стеллажей теряются в густой тени.

– Эй! – теперь она уже кричала срывающимся голосом. – Кто-нибудь?

Тишина.

Она побрела вдоль касс, наткнулась взглядом на стойку с домашними тапочками – смешными и уютными, такими неуместными посреди кошмара – и вспомнила про то, что ноги, которых она почти не чувствовала, по-прежнему босы.

Сначала она не ощутила разницы между ледяным полом и мягкой пушистостью стелек, но минуту спустя онемение отпустило ступни, и они начали ныть.

Предраcсветные сумерки за широкой витриной уступали черёд дневному свету...

– Арш-ша-а, – донёсся из глубины магазина леденящий душу, уже знакомый, но куда более явственный звук. Девушка вздрогнула, по рукам снова побежали мурашки, она попятилась, вглядываясь во мрак между стеллажами. Там что-то зашуршало, сухо и хрустко. Что-то посыпалось с полок, с грохотом раскатываясь по мраморному полу.

«Ар-рша-а...» – отдалось вибрацией в костях, загудело где-то в темечке. Звякнула и покатилась к кассам пустая магазинная тележка. На половине пути замерла, но в дальнем конце зала что-то отчётливо загремело. Мелко затряслись ближние стеллажи, звеня выставленными на них банками.

Не в силах пошевелиться, девушка замерла возле кассы, вцепившись в край конвейерной ленты, чтобы не упасть – от ужаса подкашивались ноги. В глазах потемнело. Сердце подскочило к горлу и принялось биться там, пытаясь вырваться наружу.

– Беги!

Она подпрыгнула от неожиданности. Негромкий голос шёл из приоткрытых дверей. Там кто-то маячил, подзывая её к себе:

– Беги, сюда!

Третьего раза не понадобилось – она со всех ног бросилась к выходу.

– Архш-ш-а-а! – неслось вслед, сопровождаемое грохотом и звоном рассыпающихся товаров.

Он был выше её на голову. Худоватый, но не тощий. Без лишних слов схватил за руку и потащил за собой вдоль улицы прочь от магазина, туда, где без усталости продолжал мигать светофор. Сумерки почти рассеялись, стало намного светлее, но вокруг по-прежнему не было никакого движения. Парень быстро вымахивал длинными ногами в синих замшевых кроссовках, ей же приходилось семенить следом почти бегом, поджимая пальцы ног, чтобы не потерять на ходу розовые пушистые тапки.

– Подожди, – взмолилась она, когда супермаркет исчез из вида. Паника, охватившая её в магазине, отступила.

Парень замедлил шаг. Остановился. Обернулся, и она отшатнулась, зажимая рот обеими ладонями. Его лицо – симпатичное, с правильными чертами, крепким, но не слишком тяжёлым подбородком и тёмными глазами – то проявлялось болезненно чётко, так, что можно было разглядеть крошечную родинку на правой щеке и редкие точки щетины на подбородке, то вдруг размывалось, словно она смотрела на него из-под воды. Она моргнула, зажмурилась, потёрла глаза. Нет. Не помогло. Воротник его синего жилета-пуховика в представлении не участвовал. Оставался просто синим воротником. Значит, зрение было ни при чём.

– Кто ты? Что происходит? Где я? – Она пятилась, пока не уткнулась лопатками в стену.

– Тише, не кричи. – Он не двинулся с места, внимательно разглядывая её. Всю. Целиком. От растрёпанных светлых волос до тапочек на босу ногу. – Я – Аликвис. А ты? Помнишь своё имя?

Она открыла рот. Язык сделал невнятное движение, горло сжалось, готовое вытолкнуть порцию воздуха размером с одно слово. Всего лишь одно слово! Имя. Но... оно не прозвучало. Воздух вылетел горьким выдохом из её губ. Глаза зашипало от слёз. Она покачала головой.

– Нет. Не знаю. Не помню! Где я? Кто ты такой?! – её голос взлетел до визга, подкатывала самая настоящая истерика.

– Ш-ш...

Он коснулся своих губ длинными и удивительно красивыми пальцами.

– Не шуми так. Не надо. Тебе повезло, что я услышал тебя, но больше кричать не стоит. Лучше сосредоточься. Попробай вспомнить, ну, хоть что-нибудь?

Вместо этого она обняла себя обеими руками за плечи. Холодное и бледное солнце совсем не давало тепла. Хотелось плакать. Хотелось пить. Согреться. Но всё это были желания тела, а в голове, там, где должны были храниться знания о самой себе, огненной пеленой дрожал ужас, готовый снова вырваться на свободу.

– Я не знаю! Мне холодно! – выпалила она первое, что пришло на ум. Губы тряслись, и слова получились невнятными.

Он кивнул. Устало и как-то обречённо:

– Пойдём, поищем тебе одежду, – но не двинулся с места.

Она отлепилась от сыроватой шершавости стены и шагнула к светофору, чьё мигание потускнело на свету, но не прервалось. Странное лицо парня со сложным именем внезапно осветилось улыбкой. Он шагнул следом.

– Что такого? – подозрительно покосилась на него девушка.

– Ты идёшь на запад. Я надеялся...

– И что?

Она оглянулась – солнце действительно осталось у них за спинами.

– Значит, тебе нужно вспомнить! А времени только до заката. Нам сюда. – Он неожиданно свернул за угол дома, и она увидела в торце здания дверь. «Женская одежда» – гласила аляповатая вывеска, неяркая, словно выцветшая от времени.

– Так закрыто же? – удивилась она.

– Нет. Замки здесь не работают. Всё везде открыто.

– Да объясни же ты, наконец, здесь – это где? – почти выкрикнула девушка и с опаской переступила порог магазинчика следом за своим провожатым.

– Здесь – это здесь. В этом месте. В этом городе. В этом мире, если хочешь.

Он нашёл выключатель и пощёлкал туда-сюда. Загорелся свет. Очень тусклый, словно лампы – обычные белые лампы дневного света – израсходовали весь свой ресурс. Но – жёлтый, совсем не похожий на настоящий – свет её почему-то обрадовал.

– В каком ещё мире? Что происходит? – Она растерянно замерла в центре небольшого помещения.

– Я расскажу тебе всё, только обуйся сначала.

Парень прислонился к обшарпанной стойке и скрестил на груди руки.

Вешалки и полки были битком забиты одеждой и обувью. Она бросилась к ботинкам, в два ряда выстроившимся на полках у дальней стены. И застыла. Размеры своей обуви она тоже не помнила...

– Приложи к ноге, – терпеливо подсказал парень. «Алик? Алекс?»

Она примеряла чёрные, с аккуратным носом и хорошей прошивкой, ботинки фирмы DINO, когда сердце замерло, а потом забилось быстро-быстро.

– Дино, – произнесла она вслух. Звучало знакомо, но неправильно: – Дино... Дина!

Как была, в одном ботинке, размахивая вторым перед лицом ошарашенного парня, она пустилась в пляс по тесному залу магазинчика.

– Дина, Дина! Меня зовут Дина! Я вспомнила!

– Молодец! – казалось, парень обрадовался не меньше, чем она сама.

«Дина! Дина!» – имя крутилось в голове, тёплое, уютное, родное, но... Больше там ничего не было. Одно единственное слово, которым можно было обозначить себя, и всё.

Девушка сникла. Зашнуровала второй ботинок, стянула с вешалки первую попавшуюся куртку и вопросительно посмотрела Алексу (Как он там себя назвал? Пусть будет Алекс) в лицо. Оно по-прежнему иногда мерцало, словно подёргивающееся рябью изображение на экране, но больше не пугало.

– Этого мало, – он как будто прочитал её мысли, – нужно вспоминать дальше. Тогда ты сможешь вернуться.

– Куда вернуться?

– Не знаю. Домой. Туда, откуда пришла.

– А ты? Почему ты не возвращаешься? – Дина уловила едва заметный оттенок горечи в его словах.

– Не знаю. Не могу вспомнить. Пошли, – сухо ответил он, толкнув дверь, и вышел наружу.

По дороге к двери стояло большое зеркало в наклонной металлической раме. Дина, проходя мимо, мельком глянула на своё отражение и тут же сделала шаг назад, сообразив, что вообще не знает, как, собственно, выглядит.

Лицо показалось незнакомым, чужим. Довольно красивым. Тонкий нос, немного полноватые, зато идеально очерченные губы, чистая кожа высокого лба, яркие зелёные глаза. Девушка в зеркале должна была гордиться своей внешностью. Но Дина её видела впервые. Стиснув кулаки так, что ногти впились в ладони, она хмуро сообщила отражению:

– Я – Дина.

Отражение нахмурилось в ответ. Она отвернулась и вышла из магазинчика вслед за Алексом.

– У меня часы встали, – прервала Дина молчание, когда перекрёсток с мигающим светофором остался далеко позади.

– Здесь часы не ходят. Никакие. Я проверял.

– Что здесь ещё не так? – она пробежала глазами по ближайшей вывеске. Вывеска как вывеска.

– Много что, но тебя это не должно беспокоить. Лучше следи за солнцем.

– Зачем?

Дина оглянулась. Мутный диск, зависший на уровне средних этажей между двух одинаковых кирпичных «точек», ещё не добрался до кромок их высоких крыш.

– У тебя есть только этот день. Не успеешь вспомнить и поймать последний луч – пропадёшь.

– Не поняла. Ты же не пропадаешь?

– Я – нет. И в этом нет ничего хорошего. Я здесь такой не один. Некоторые совсем потерялись. Некоторые, как я, пытаются понять. А кое-кто... Тебе это не нужно. – Он замолчал.

– Слушай, мы идём неизвестно куда. Убежали неизвестно от кого. Ты ничего не хочешь объяснить толком. Может, я вообще – pošлю тебя нафиг и, – Дина покрутила головой, – пойду вон, в кафе. Пить хочу. И есть хочу тоже!

Конечно, она врала. Меньше всего на свете ей хотелось сейчас остаться одной в этом пустом страшном месте. Дина огляделась. Широкая улица была разрезана тусклыми полосками трамвайных путей на две половины, и нигде – ни впереди, ни позади – не было заметно никаких признаков жизни. Почему-то совсем отсутствовали автомобили. Она ещё не увидела ни одного, пусть даже и неподвижного.

– Машин нет, – удивлённо озвучила она последнюю мысль.

– Нет, – согласился Алекс. – Никакого транспорта, вообще. Я как-то добрался до аэропорта, так там ни одного самолёта. И вообще – очень неприятное место.

Он внимательно посмотрел на Дину и решительно кивнул.

– Хорошо. Давай зайдём в кафе. Не уверен насчёт еды, но попить-то мы сможем. Я расскажу то, что знаю, только ты не пугайся.

«Не пугайся». Девушка была напугана так, что сомневалась, можно ли добавить ещё больше страха в происходящее.

В небольшом, на четыре столика, зале царил загадочный полумрак. Алекс, не задерживаясь в дверях, прошёл к большому окну и сгрёб пластинки опущенных жалюзи в кулак, а потом с силой дёрнул вниз. Жалюзи оборвались и с металлическим шорохом, скрипя по простенкам пластинками позолоченного алюминия, соскользнули вниз. Стало значительно светлее.

– Ты зачем? – поразила такому варварству Дина.
– Темно. Оно предпочитает мрак.
– Какое «оно»? Что это значит? – Девушка догадалась, что речь идёт о том, кто издавал жуткий звук в супермаркете. Воспоминание заставило её передёрнуться.

– Погоди.

Алекс деловито направился за стойку, чем-то там погромел, и на бежевой пластиковой столешнице появились две чашки, горка пакетиков с крекерами «Тук» и орешками. Кофейный автомат тихо загудел.

– Повезло! – взлохмаченная голова парня возникла над стойкой. – Электричество тут часто глючит. Иногда чайник можно час греть, а чаще всего напряжения просто нет совсем.

– И как же ты тут живёшь, костры разводишь, что ли?

– Нет. Огонь тоже не всегда ведёт себя так, как должен. Подожди минуту...

Он исчез за блестящим боком старого аппарата. Там зашипело и зафыркало.

– Забирай!

Вид у Алекса был почти победоносный. От кофе шёл парок и дурманивший аромат. Дина осторожно взяла чашки и медленно, стараясь не расплескать, отнесла к столику возле окна. Алекс появился с бутылкой колы и пластиковыми стаканчиками.

– Это тебе, – он придвинул крекеры поближе к Дине. – Мне... я могу не есть. И не пить, но иногда хочется.

– Господи! – она не донесла к губам кофе. – Кто ты такой?

– Это сложно.

Алекс перевёл взгляд с её лица на свои руки, обнимавшие пузатую чашку из дешёвой белой керамики.

– Вероятно, я такой же, как и все здесь, как и ты. Но не совсем. Я сам не слишком многое понимаю. Если бы ты не начала вспоминать так быстро, а задержалась здесь надолго, то тоже поняла бы, что можешь подолгу не есть и не пить. Можешь не спать. А со временем перестала бы так остро ощущать холод и боль. Но тебе повезло, у тебя есть шанс вернуться...

Дина смотрела, как он делает мелкие, осторожные глотки кофе. Грустное лицо парня не перестало временами мерцать, но она как-то притерпелась к этому странному явлению. Возможно, слишком быстро и совершенно непонятно почему. Увиденное и услышанное заполняло пустоту в её голове, смягчая страх. Оказывается, даже самые невероятные объяснения не пугают так, как пугает полная неизвестность.

– Ага, ладно, все мы люди-человеки. А теперь давай про «оно», пожалуйста.

– Так я же и хотел, – парень посмотрел на неё с тревогой и почему-то с жалостью.

У него были необычные глаза – вроде бы серые, но слишком тёмные. «Наверное, именно про такие говорят, что они глубокие», – подумалось Дине.

– Оно, они, это... Не знаю, как назвать или описать. Существо или сущности? Тоже не знаю. Но днём они охотятся за некоторыми из таких, как ты. Не за всеми. Почему и как выбирают – непонятно. Чем ближе к западу и к закату, тем опаснее станет. Понимаешь, кроме тех, кто здесь давно, есть те, кто появляется каждый день. Некоторые выбирают запад. Неосознанно, инстинктивно идут за солнцем. И начинают вспоминать. И если успеют вспомнить – возвращаются. А другие выбирают восток. Они ничего не вспоминают, просто идут туда весь свой день, и на закате оно их забирает. Уводит с собой. Навсегда. Им ничего не грозит, их никто не трогает. И только немногих оно старается схватить, удержать во тьме. Не позволить вернуться. Единственное, чего оно всегда избегает – свет.

– Ну, хоть так, – Дина пыталась переварить рассказ Алекса. – Будем держаться на свету. А тебе какой резон со мной возиться? Ты всех, что ли, провожаешь? Или ты здесь живёшь? – она бросила взгляд за окно.

Предположение выглядело безумным. Но не безумнее того, что она не узнала своё отражение в зеркале и помнила назначение всего, что её окружало, но не себя саму.

– Живу я в центре. А провожаю всех, кого встречу. И на запад, и на восток иногда. А что здесь ещё делать? – Алекс пожал плечами. – Хорошо, если получится держаться на свету. Но ты вспоминай, пожалуйста. И не молчи. Когда говоришь, вспоминается быстрее, проверено.

– Ладно, я попробую, – согласилась Дина.

Но слова не шли. О чём говорить, она не представляла. Всё это казалось ей подозрительным. Как и сам Алекс.

– А где нужно ловить закат? Есть место какое-то специальное, или всё равно где?

– За большим стадионом, на намыве возле залива. Это довольно далеко, вот почему я говорю, что времени у тебя немного. Правда, – Алекс тоже выглянул в окно, – твой день обещает не быть слишком коротким.

Дина непонимающе уставилась на него:

– Что ты имеешь в виду?

– Мне кажется, – смущённо отозвался Алекс, – что продолжительность дня здесь для каждого своя. Бывает так, что для одного солнце мчится по небу, как олимпийский бегун, а для другого – еле ползёт. И день, по ощущениям, растягивается до нескольких. Но такие – самые опасные. Устанешь, решишь поспать по привычке, а проснёшься уже в темноте. Или – уже не проснёшься. Тварь-то не спит.

– Звучит бредово, – честно призналась она. – А откуда ты знаешь, что если я всё вспомню, то вернусь?

Дина поднялась из-за стола следом за своим спутником, и вопрос прозвучал тогда, когда он уже повернулся к ней спиной.

Парень остановился, съёжился, приподняв плечи и сгорбившись, словно слова были чем-то материальным и ударили его прямо между лопаток, в синюю, заполненную пухом «сардельку» прошивки жилета.

– Знаю, – не оборачиваясь, глухо ответил Алекс, – потому что видел. Тех, кто успел вспомнить, и тех, кто не успел.

От его тона, от того, что он не повернулся к ней лицом, от резанувшей ухо беспомощности в голосе Дине стало не по себе, но она всё же продолжила:

– Так может быть, мне не стоит торопиться? Может быть, лучше и не вспоминать? Оставить всё как есть? Ты же, вон, живешь себе...

Он обернулся так резко, что зацепил пластиковый стул, который отлетел в сторону, словно живой.

– Ты не понимаешь! – Лицо Алекса мерцало так часто, что у Дины зарябило в глазах. – Ты – точно не можешь здесь остаться, ведь оно уже тебя выбрало! Или ты поймал последний луч, когда всё вспомнишь, или...

Он замолчал и отвернулся, шагнул к дверям.

– Пошли, – буркнул уже на ходу, – я не вру. У тебя мало времени.

Казалось бы, после еды и горячего кофе Дину должно было немного отпустить, тем более, что она больше не металась в этом странном городе в одиночку, но в груди продолжала дрожать тонкая струнка пережитого ужаса. Любая мысль на тему болезненно-неразгаданной тайны собственного «я» могла эту струнку задеть. И тогда она грозила зазвенеть новой волной страха. Да и последние слова Алекса оптимизма не добавили.

Дине хотелось разного. В основном – глупого и бесполезного. Топнуть ногой, крикнуть: «Горшочек, не вари!» – и очутиться дома. Где это, дома? Да где угодно, лишь бы не здесь! Хотелось расплакаться. Снова. Забиться в угол (нет-нет, не тёмный!), и пусть всё окажется дурным сном...

Она молча брела по незнакомой улице незнакомого города рядом со странным, временами мерцающим, словно привидение, парнем и не замечала, что крепко-крепко сжимает его ладонь.

На углу у перекрестка стоял ларёк-стекляшка. Обычный крохотный магазинчик, где можно в любое время суток купить вчерашний хлеб, сомнительную колбасу, дешёвый корм для животных и пиво с сигаретами. Открытую дверь подпирала железная урна-перевёртыш.

Алекс направлялся прямо к этой двери, и Дине пришлось идти следом, отставая ровно настолько, насколько позволяла её вытянутая рука. Разжать её было совершенно невозможно! А вдруг он войдёт в ларёк и исчезнет так же внезапно, как появился?

– Доктор? – Алекс просунул голову в дверной проём.

– Бур-бур, – неразборчиво ответили ему изнутри ларька хриплым баском.

– Подождём, – вздохнул Алекс, оборачиваясь к Дине. – Доктор не всегда в настроении, но, если повезёт, он тебе поможет.

– В чём? – Дина ничего не понимала.

Изнутри ларька донёсся грохот, словно там упало что-то тяжёлое. На пороге возник щуплый мужичок невнятных лет. Он был сурово небрит, рыжеватая щетина ещё не дотягивала до того, чтобы считаться бородой, и придавала его помятому лицу неряшливый вид опустившегося алкаша. Стойкая вонь перегара только усилила это впечатление. Дина поморщилась.

– Что? Опять? Ну чего ты их ко мне таскаешь, Алик? – скривившись, пробурчал мужичок, кутаясь в женскую меховую жилетку, украшенную стразами вдоль молнии.

В сочетании с грязными штанами цвета прелой листвы и клетчатой фланелевой рубашкой выглядело это до невозможности нелепо. Он вперил в Дину немигающий взгляд мутно-жёлтых глазок. Вздохнул.

– Выглядит на шестнадцать. Точно. Школьница, местная. Фифа к тому же. Какой класс? Одиннадцатый «А»?

– «В», – не думая ответила Дина и покачнулась.

Идти страшно. Она с трудом заставляет ноги передвигаться по квадратным плитам школьного двора. Голова опущена, длинная чёлка падает на лоб, волосы свешиваются на лицо. Под ногами поскрипывает первый ледок. Два шага – плита. Ещё два шага – стык – следующая. Она смотрит только под ноги, ёжась, словно ожидает удара. Доходит до школьного крыльца и заставляет себя шагнуть на ступеньку. Она не была в школе с конца весны и почти всю осень...

Она боится. Её переполняет злость. На себя – за этот гаденький страх. На несправедливость, которая заставила её, всеобщую любимицу, самую красивую девочку гимназии № 1001, подниматься сейчас по ступеням школьного крыльца с низко опущенной головой.

– Одиннадцатый «В», гимназия тысяча один, – чужим деревянным голосом отчеканила Дина.

Желтоглазый бомжеватый «доктор» печально ухмыльнулся и длинно сплюнул себе (и ей) под ноги.

– Всё. Валите отсюда. В школу идите, там, может, вспомнит.

– Спасибо, – прозвучало у Дины над головой.

Оказывается, Алекс стоял прямо за спиной и поддерживал. Она привалилась к нему, не заметив, когда это произошло. «Доктор» пинком отшвырнул урну, и дверь магазинчика захлопнулась перед носом у Дины.

– Что это было? Кто он такой? – девушка повернулась к Алексу, заглядывая в лицо.

– Доктор? Ну, это его тут так прозвали. Иногда он людей насквозь видит. Умеет задать правильный вопрос. И срабатывает. Иногда.

Алекс посмотрел на неё очень серьёзно, пытливо, и спросил:

– Что ты вспомнила?

Дина нахмурилась. Отвела глаза. Сунула руки в карманы куртки. Ковырнула выбоинку в асфальте блестящим носком новенького ботинка. Она по-прежнему ничего не понимала, но теперь стало ещё хуже – там, в её воспоминании, она тоже боялась. Вот только не знала – чего?

– Только то, что сказала, но в школу идти не хочу! – наконец ответила она, глядя в сторону, на жалкие скелеты полуголых клёнов вдоль тротуара.

– Дин? – парень мягко коснулся её плеча. – Школа – единственная ниточка к твоей памяти. Я понимаю, что тебе всё кажется полным безумием, но поверь мне, пожалуйста! У тебя есть шанс выбраться отсюда!

«Школа, – шагая за Алексом, думала Дина. – Школа». Мысль не рождала никаких ассоциаций. Где её искать, эту гимназию номер тысяча один?

Перед глазами немедленно возникла табличка чёрного металла, с названием. Она крепилась к голубой стене длинного двухэтажного здания с большими окнами. В памяти всплыла пальма посреди холла второго этажа, ярко освещённая солнцем, с подсохшими кончиками метровых листьев. Из чёрного «ничего» проявились красные кресла актового зала, рядами убегающие в загадочный полумрак, плохо различимые со сцены... Что она делала там, на сцене, в пустом зале?

Дина удивлённо моргнула. Актовый зал сменился воспоминанием о каком-то кабинете. За его окнами, за квадратными плитами школьного двора, за частоколом забора и зелёным деревьям шумела широкая дорога. И далеко, за этой дорогой, теснились высотки новых, аляповато-разностильных домов.

Дина снова моргнула и задрала голову. Ну да! Именно таких, что торчали, возносясь десятками этажей над унылыми рядами девятиэтажек вдоль улицы, по которой они шли сейчас!

«Наверное, «доктор» был прав. Воспоминания тянутся, цепляясь одно за другое». Она посмотрела на Алекса и указала на уродливые кирпичные башни.

– Нам туда. На ту улицу. Я помню похожие дома.

– Отлично!

Он потянул её во дворы с уверенностью, которой сама Дина похвастаться не могла. Но едва они вышли на открытое место из-под давящих серых стен домов, она оживилась – город вдруг перестал быть совсем чужим. Пустынное шоссе, молчаливо убегавшее туда, где уже не было видно никаких домов, называлось Выборгским. «Озерки», – мелькнуло в голове. И сразу же стала знакомой застроенная ларьками площадь перед большим торговым центром. Метро! Метро «Озерки». Шумные поезда. Толпы народа по утрам. Толкотня у эскалаторов. Она ездила на метро, но очень редко.

Ноги уверенно понесли её вперёд, к неширокой ленте тротуара на другой стороне, за шоссе. Эта сторона дороги была так не похожа обилием кустов и деревьев перед невысокими коттеджами на скученную толчею новостроек напротив. «Школа, – упорно думала Дина, – школа...»

Чугунная калитка на школьный двор оказалась распахнутой настежь. В глубине тускло поблёскивали стёкла больших, точно таких, как в её воспоминании, окон. На месте оказалась и металлическая табличка: «Муниципальное образовательное учреждение Гимназия № 1001 Выборгского района г. Санкт-Петербурга».

Дина сунула внезапно озябшие руки в карманы. И снова воспоминание обрушилось внезапно, выдёргивая её из одной реальности в другую.